

НИКОЛАЙ КОЛЯДА

УКОЛ КРАСОТЫ

Комедия в одном действии из цикла «Кренделя».

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

МАРИЯ, парикмахерша – 25 лет

КСЕНИЯ, парикмахерша – 25 лет

ЛЕОНИД, парикмахер – 25 лет

АНТОН, парикмахер – 25 лет

СОЛДАТ

ПАРЕНЬ

Парикмахерская на четыре места на первом этаже «хрущёвки».

Парикмахерская на первом этаже пятиэтажной хрущёвки.

Здесь всё, как и положено для парикмахерской: четыре кресла, зеркала, сушилки для волос, стол с кассовым аппаратом. На окнах шторы синенькие, на подоконниках кактусы в горшках.

Дверь в подсобку есть. В подсобке швабры, стол с кружками и кофейная машина.

Время – девять утра.

Клиентов нет.

Только парикмахерши Ксения и Мария отношения выясняют.

МАРИЯ. Бардак какой. Некому подмести. Никто не ухаживает за домом. Никто за собой не уберёт. Навалено со вчерашнего волос и хоть бы что, ходят по волосам по чужим ногам и даже не подумают: а может подмести надо бы? Стыдоба.

Мария взяла щётку, принялась пол подметать.

КСЕНИЯ. Овца шерсть растит не для себя.

МАРИЯ. Что?

КСЕНИЯ. Ничего. Найми уборщицу, Машенька. Всё жадничаешь. Вот пусть она тебе и убирает. А ты всё трясешься от скупости. И что? Твои сотрудники, стилисты высшей квалификации, должны пол мыть? Волосы чужие подметать? Я – не буду. Хватит, наподметалась, теперь не буду, надоело.

Молчание.

Мария подметает пол.

Ксения сидит в кресле у зеркала, причёску себе делает.

МАРИЯ. Им ничего не надо. Они тут только зарплату получают. А больше им не надо. Ясно. Мне одной надо. Я тебе волосы последние вырву.

КСЕНИЯ. А у тебя и так выпадут. Сожгла уже совсем пергидролью. Всё седину себе закрашивает. Будто никто не знает.

МАРИЯ. Тебе бы мои муки, Ксюшенька, мои заботы, мои ночные думы, ты бы не то что поседела – полысела бы.

КСЕНИЯ. Ой, ладно.

МАРИЯ. Да, я в 25 – поседела. И что, у кого-то претензии? Вам-то что всем? Седина, как бронза – ее следует заслужить, как говорил поэт.

КСЕНИЯ. Памятник ты наш бронзовый. Памятник разгильдяйству и лени, зависти и злости.

МАРИЯ. Никто электричество не выключит. Если не прослежу – так и горит до утра. Всем наплевать. А ведь я плачу вам. И какую хорошую зарплату я вам плачу. Где бы вы с вашим образованием – семь классов и коридор! – где бы вы все такую зарплату получали бы, а? Нигде.

КСЕНИЯ. Да, да, нигде, нигде, отстань.

МАРИЯ. А ещё я, я плачу, плачу за это помещение арендную плату, ещё плачу за свет, за воду, за отопление ...

КСЕНИЯ. За газ, за воздух.

МАРИЯ. Помолчи! Ты кто такая? «Прими, подай, пошёл вон!». А им – только зарплату ихнюю дай. Стилисты высшей квалификации! Стилистка нашлась! Ей 25, а она уже сто раз уколы красоты себе делала!

КСЕНИЯ. А ты что, свечку держала? Откуда ты знаешь?

МАРИЯ. А то я не вижу, как тебя раздуло, как тебе рот перекособенило!

КСЕНИЯ. Если я сто раз себе делала уколы красоты, то ты – тысячу. Это тебя

перекосебенило! Посмотри на себя в зеркало. Тебе тоже 25, а у тебя не лицо, а фрикаделька!

МАРИЯ. Мужчины любят пухленьких!

КСЕНИЯ. Но не тут, Машечка, не тут! Не на лице они припухлость любят, понимаешь? А у тебя такой поддув, что это уже только на большого любителя!

МАРИЯ. И волосы она перекрасила, и морду она поддула, а ведь это вредно, кожа растягивается. Потом повиснет, будешь старухой в сорок лет!

КСЕНИЯ. А ты уже старуха, на себя в зеркало посмотри. У тебя у самой от этих ботоксных уколов на лице живого места нет! Отстань! Ну, не трогай меня, я же сказала тысячу раз - у нас теперь с тобой отношения только рабочие! Отстань!

Мария подметает пол.

МАРИЯ. Я знаю, почему ты стала парикмахершей.

КСЕНИЯ. Я не парикмахерша, я – стилист.

МАРИЯ. Ой, простите – стилист! Да, я знаю. Тебе одно на уме: мужика найти. А я добрая. Я твои желания понимаю. Вот потому-то я напротив казармы и нашла помещение для парикмахерской. Чтобы ты генеральшей стала. Только ты ведь трудиться не хочешь. Тебе ведь всё готовенькое надо. А ведь, дорогая Ксения Львовна, как в том фильме говорится: «Чтобы стать генеральшей, надо выйти замуж за лейтенанта».

КСЕНИЯ. Отстань, сказала!

МАРИЯ. Ну вот тебе – сержанты, ефрейторы, лейтенанты. Выбирай. Ну, что ж ты морду свою поддутую от них воротишь, что ж ты каждый раз после них освежителем комнату брызгаешь? Портянки не нравятся?

КСЕНИЯ. Ты у нас – сильно перетрудились. Боже, если бы ты слышала, как Лёня жаловался мне на тебя, мне даже стыдно повторять его слова! Неужели это правда?

МАРИЯ. А что он мог такое сказать? Кто его сделал, этого Лёню? Я его слепила из того, что было!

КСЕНИЯ. Да ты его захомутала ещё в школе! Женила на себе только потому, что его папа – академик! Тебе захотелось пробраться в эту семью! И пробралась! Думала, он будет тоже физик-ядерщик, а он – что? А ничего! Он не поступил в институт на бюджет, из-за тебя, между прочим! А только на платное смог!

МАРИЯ. Здравсьте! А я тут при чём?

КСЕНИЯ. До свидания! Да при том! Лёня мне сказал! Папа не дал денег на обучение, и к тебе прилетела птица обломинго! И ты его заставила работать вот тут! Мол, на ноги встанем, денег заработаем и поступишь учиться! И втянула его в это болото напротив казармы!

Молчание.

Мария перестала пол мести.

МАРИЯ. У меня ощущение, что это ты про себя разговор ведёшь. Ведь это ты, ты, ты не поступила в институт и пошла в парикмахерши! А я его взяла, знаешь, каким прыщавым, с грязными волосами, в очках? Он был ботаник ботаником! Знаешь? И что? Прыщи вывела, постригла, волосы вымыла, линзы в глаза вставила, в тряпки в красивые одела, человеком сделала!

КСЕНИЯ. Боже, Боже! Ты о нём, как о какой-то кукле говоришь! Тебе не стыдно?

МАРИЯ. Вы, блин, стилисты высшей квалификации?! Какие вы стилисты?! Курсы парикмахеров закончила, а уже туда же, стилисткой стала! Серёжа Зверев, часть вторая!

Ксюша, юбочка из плюша! Пол подметай!

КСЕНИЯ. Сама подметай, Маша-растеряша.

МАРИЯ. Меня зовут Мария Сергеевна, тысячу раз говорила!

КСЕНИЯ. А меня, раз так – Ксения Львовна, тоже тысячу раз говорила!

Молчание.

Сидят обе в креслах, смотрят на себя в зеркала.

Сколько я тебя просила отпустить меня в Москву на переквалификацию, на стажировку, и что? Тебе надо только, чтоб я брила лбы с утра до ночи всем и чтоб тебе деньги в карман, и всё! Тебя судьбы человеческие не трогают, не интересуют! Тебе не интересен профессиональный, карьерный рост твоих сотрудников! Директор парикмахерской! Только деньги твои, только твои доходы тебе интересны, больше ничего! Куда ты складываешь эти деньги? На уколы красоты тратишь, конечно. А то, что перед тобой живые люди – тебе не интересно, нет! Живёхонькие!

МАРИЯ. Вы не люди. И не стилисты. Вы – барахло.

КСЕНИЯ. Раз ты такой специалист, раз ты такая хозяйка, почему не сделала парикмахерскую в центре города, чтоб к нам приличные клиенты приходили? Нашла здесь, в спальном районе помещение. Вот и идут сюда только солдаты, больше никого нет!

Дверь открылась, звякнул колокольчик, что на двери висит, вошёл солдат и спросил:

СОЛДАТ. Здравсьте.

МАРИЯ. Здравсьте, здравсьте, нет советской власти.

СОЛДАТ. Вы работаете?

МАРИЯ (*кричит*). Нет! Закрыто! Не видите, уборка?! Закрыто! Санитарный час, рыбный день! Закрыто!

Солдат перепугано и быстро выскочил за двери.

Мария и Ксения ходят по комнате. Ксения закурила.

МАРИЯ. Не кури тут! Это что такое?

КСЕНИЯ. Отвали. Я последний день, всё, увольняюсь.

МАРИЯ. Да я слышу это второй год! Куда ты уволишься?

КСЕНИЯ. Загрызла уже. Сил нет.

Молчание.

Никогда не поверю, что у Лени были прыщи и грязные волосы.

МАРИЯ. А ты поверишь, что я ему тоже ставила уколы красоты, чтобы привести его в порядок?

КСЕНИЯ. Тоже?

МАРИЯ. Ну, как и ты себе.

КСЕНИЯ. То есть, как и ты себе? Господи, неужели он согласился? Зачем ты изуродовала человека?

МАРИЯ. Он теперь – красавец, каких свет не видел. Это я сделала. Он идёт по улице и машины останавливаются – такой он красавец.

КСЕНИЯ. Наверняка, под гипнозом сделала ему это. Или напоила. Никогда бы никакой мужик не пошёл на такое.

МАРИЯ. Да, он красавец. Стал. Это моя работа. Я сделала это.

КСЕНИЯ. Какой ужас. Мужiku ставить уколы красоты! Ты просто чудовище! Нет, это

точно – он для тебя не человек, он для тебя – кукла. Тебе не интересна его внутренняя красота!

МАРИЯ. Знаешь, как говорят паталогоанатомы – внутренняя красота человека сильно преувеличена.

КСЕНИЯ. Господи, а я ведь в чём-то сомневалась, когда он мне про жизнь с тобой мучительную рассказывал! А теперь - верю. А не верила ведь, когда он мне всё рассказывал о совместной жизни с тобой, такие ужасы рассказывал! Господи, как он мне жаловался на тебя, когда мы с ним у меня дома лежали на моем диване, как хотелось его прижать и приглубить ...

МАРИЯ. На твоём диване места уже живого нет! Уже все пружины в нём полопались! Кого только не переводила к себе на свой диван! Всю казарму вон!

КСЕНИЯ. Давай, скреби на свою голову. Ты получишь от меня, я сказала. Я тебе сказала, что он будет мой?

МАРИЯ. Тебе не стыдно? Мы с ним уже запланировали ребенка!

КСЕНИЯ. Да что ты? Запланировали?

МАРИЯ. Да, в этом году!

КСЕНИЯ. А в прошлом почему не родили?

МАРИЯ. Потому что надо встать на ноги!

КСЕНИЯ. Ты его задрала уже с этим вставанием на ноги! Он уже не то что на ногах, уже на голове стоит!

МАРИЯ. Ты посмотри, а?! Пришла на готовое и забирает, а?

КСЕНИЯ. Он мне сказал, что ты собираешься завести ребенка, но что он к этому ребёнку не будет иметь никакого отношения!

МАРИЯ. То есть, как это? Он от Духа Святого родится, что ли?

КСЕНИЯ. А кто тебя знает? Смотри, сколько тут мужиков. И ты каждому, каждому мужику, который приходит сюда, глазки строишь, по головке гладишь!

МАРИЯ. Дура, это наши клиенты, мы должны быть с ними обходительными!

КСЕНИЯ. А Николай Степанович? Он – что?

МАРИЯ. Николай Степанович – штрибан! Знаешь такое слово? Старенький, значит! Штрибанок! Он сюда приходит раз в неделю, три волосинки свои стричь, чтобы я его потрогала по голове, его никто не трогает! Он плакать начинает сразу, когда я его стричь начинаю! Его его старуха, которая померла год назад, никогда, поди, не гладила!

КСЕНИЯ. Ужас. Ты только вдумайся в то, что ты говоришь? Не парикмахерская, а салон интимных услуг! Она его трогает, капец! Никакой брезгливости!

МАРИЯ. Он платит по полной и еще даёт на чай!

КСЕНИЯ. И что?

МАРИЯ. А ничего. Он - клиент! Это ваша зарплата, бесстыжие!

КСЕНИЯ. Лёня сказал, что, если ты родишь, это будет не его ребенок, я ведь сказала тебе.

МАРИЯ. Нет, его будет, его!

КСЕНИЯ. Не его.

МАРИЯ. Тогда он – подлец. Просто подлец.

КСЕНИЯ. Нет, он изумительный. Просто изумительный. Нежный.

МАРИЯ. Два года она с ним в одной комнате работала и вдруг месяц назад она рассмотрела, что он – изумительный. Да ты просто решила разрушить мою семью. Ты просто иззавидовалась моему счастью. Уже не знаешь, что сделать. Уколы красоты не помогают, так ты к знахарке ходила, я знаю.

КСЕНИЯ. Можно подумать, я без знахарки ничего не могу с мужиками сделать, да?

МАРИЯ. Не можешь! Месяц назад я стирала его штаны и залезла в карман. И там был моток ниток! Это ты подложила!

КСЕНИЯ. Да больно надо, бредит!

МАРИЯ. Ты, ты! Я пошла на улицу, сожгла моток, закопала его, но, видно, сильные чары у этой бабки!

КСЕНИЯ. Бредит.

МАРИЯ. Какая же ты шалава.

КСЕНИЯ. Выбирай выражения.

МАРИЯ. Шалава!

КСЕНИЯ. Маша, всё, тихо! Мир, а? Ну что же ты так нервничаешь? Ну, что делать, раз между нами вспыхнуло? Отпусти его с миром!

МАРИЯ. Вспыхнуло? Я вам залью этот мировой пожар! Я – ваш работодатель, я директор парикмахерской, понятно тебе или нет?!

Дверь открылась, звякнул колокольчик, вошёл солдат, спросил:

СОЛДАТ. Вы работаете?

Мария и Ксения хором закричали.

МАРИЯ и КСЕНИЯ. Закрыто! Закрыто! Закрыто!

Солдат перепугано и быстро выскочил за двери.

Молчание.

МАРИЯ (*ходит по парикмахерской, губы кусает*). Я поняла, отчего люди умирают. Наступает какой-то такой момент, когда ты вдруг идёшь по улице, падает снег, деревья стоят в снегу, светит из-за туч солнце, ты идёшь, вдруг останавливаешься и, улыбаясь сама себе, глядя в грязный, запорошенный снегом асфальт, говоришь тихо: «Дак вот и всё?». А потом долго думаешь и снова задаёшь вопрос: «А зачем оно всё было?». И, когда ответа не получаешь, вдруг проносится вся жизнь перед глазами. Всё, что было неважно, оказывается так важно. Как у Чехова: «Моё детство, чистота моя, счастье просыпалось вместе со мною каждое утро ...». Правильно. Счастье только в детстве было. А теперь все условия этой игры понятны. Всё становится ясно. Не надо смотреть вперёд, а только - смотри назад, вспоминай, что было – всю эту чепуху, которая, странным образом, оказалась моей жизнью. И другой не будет. И вообще не будет ничего. И когда понимаешь это, начинаешь умирать.

КСЕНИЯ. Маша, ну хватит? Ну, что мы должны делать? Отпусти нас с миром, а?

МАРИЯ. Правильно. Я - директор парикмахерской. И я вас обоих увольняю. Как ты и просишь – отпускаю с миром. С миром. Но без выходного пособия, без зарплаты, без копейки денег. Идите на все четыре стороны. Вороньё! А я умру. И только попробуйте на похороны на мои явиться. Я вас с того света достану, придавлю. Я в завещании напишу: «Не пускать к моему гробу эту и этого!». Поняла?

КСЕНИЯ. Хватит бредить!

МАРИЯ. Выгоню обоих! И посмотрю, кто вас примет, кому вы нужны будете, безрукие!

Безглазые! Безногие! Вы вон солдатню под ноль – и то постричь толком не умеете, они сидят тут, визжат от боли, дёргаете им волосы!

КСЕНИЯ. Знаешь, что? Хватит. Не выступай. Парикмахерская была зарегистрирована на двоих. Он – соучредитель. Это всё такое же твоё, как и его. Никуда ты нас не уволишь. Это мы тебя уволим. Поняла?

МАРИЯ. Да что ты говоришь, золотая рыбка?! Вот как?! Я - по документам директор! И я вас уволю! Или, что ты думаешь, я позволю ему и тебе у меня тут перед глазами целыми днями болтаться? Нет. Этого не будет. Да я лучше бензином всё тут оболью и сожгу.

КСЕНИЯ. Ну, подожги. Будешь последняя дура.

МАРИЯ. Буду. И что?

Дверь открылась, звякнул колокольчик, вошёл солдат и спросил:

СОЛДАТ. Можно?

Мария и Ксения хором закричали.

МАРИЯ и КСЕНИЯ. Закрыто! Закрыто! Закрыто!

Солдат выскочил за двери.

КСЕНИЯ. Господи, ну где нормальные клиенты? Почему они к нам идут? Во всех фильмах показывают, как солдаты в казармах сами себя, сами друг друга стригут. Но, оказывается, они ходят в парикмахерские! Какого им чёрта надо? Я куплю им машинку для волос и им в казарму подарю, чтобы они сюда не ходили, как они мне осточертели!

МАРИЯ. Это клиенты. Это деньги.

КСЕНИЯ. Это не клиенты! Они ходят на баб смотреть!

МАРИЯ. На каких баб? На тебя? Хорошо о себе думаешь, кукла Барби. Это клиенты!

КСЕНИЯ. Если бы сюда бараны приходили, и мы бы их стригли – это тоже считалось бы «клиенты»?

МАРИЯ. Бесстыжая. Русские солдаты, защитники Отечества для неё – бараны. Сейчас сяду за компьютер и напечатаю приказ об увольнении.

КСЕНИЯ. Да хоть десять приказов напечатай. Прямо царь и Бог.

МАРИЯ. Где он?

КСЕНИЯ. Компьютер в подсобке стоит.

МАРИЯ. Я тебя не про компьютер спрашиваю. Где – он, Лёня?

КСЕНИЯ. Не знаю.

МАРИЯ. Как – не знаю? Время девять утра. Он должен быть на работе.

КСЕНИЯ. Говорю – не знаю. Он сегодня у меня не ночевал.

МАРИЯ. А где он ночевал?

КСЕНИЯ. Ну, я думала у тебя. Думала, пошёл вещи собирать и переедет. *(Пауза)*. А что, его не было у тебя?

МАРИЯ. Ты в своём уме? Не было.

КСЕНИЯ. Здравсье.

МАРИЯ. Забор покрасьте.

КСЕНИЯ. Телефон у него был выключен вчера и сегодня с утра. А где он?

МАРИЯ. Вот я у тебя и спрашиваю, шалава, где он?

КСЕНИЯ. Да я говорю тебе, старуха Изергиль, не было его у меня!

Молчание.

МАРИЯ. Боже, и она говорит, что она его любит! Ни капли, ни тени беспокойства, ни секунды замешательства, смущения, ни грамма волнения, тревоги, взволнованности! Ей по барабану! Где мужик – до лампочки ей! Что ты сидишь? Звони в морги, в больницы! Его машина сбила! Его хулиганы на перо поставили! Господи, а вдруг он от этих событий повесился? Или утопился? Или ещё чего хуже?

КСЕНИЯ. Не выдумывай. С чего вешаться-то? А что такого случилось? Нормальный ход поршня.

МАРИЯ. По-твоему – так? Звони!

КСЕНИЯ. Звони сама!

Обе испуганно достают телефоны, начинают быстро нажимать все кнопки.

МАРИЯ. Не доступен!

КСЕНИЯ. Занято!

МАРИЯ. Это потому что я ему звоню, дура! Господи, господи! Лёничка, Лёничка мой! Пусть он уходит к этой шалаве, только пусть он будет живой!

КСЕНИЯ. Господи, пусть он останется с этой старухой, только пусть будет живой! Не доступен!

Дверь в парикмахерскую открывается, на пороге появились Антон и Леонид.

Оба вызывающе одеты в какие-то яркие тряпки. Антон в зелёных штанах, а Леонид в красных. Антон в красной рубашке, а Леонид в зелёной.

Мария и Ксения кинулись к Леониду, а Антон прошёл к своему рабочему месту, бросил сумку на стол, сел в кресло, взял пилочку для ногтей, пилит ногти, раскачивается в кресле, себя в зеркало разглядывает.

АНТОН. Привет, биксы. Ждали? Как в вашей хайратне дела?

МАРИЯ. Лёничка, что случилось? Ты жив?

КСЕНИЯ. Леонид, объяснись? Где ты был?

Молчание.

Леонид стоит у двери, чёрные очки не снимает, смотрит в пол.

МАРИЯ. Я тебя всю ночь искала! Звонила, звонила!

КСЕНИЯ. Я тебя всю ночь искала! Звонила, звонила!

МАРИЯ. О, о, о, Лёня!

КСЕНИЯ. О, о, о, Лёня!

Молчание.

АНТОН. Картина называется: «Фройкин и дети». Ужас. Ну что вы орёте? Что с ним будет? Вот он, живой, здоровый. Лёнь, ну, что молчишь? Скажи им правду про то, где ты был? Ну? *(Смотрит в зеркало, расчесывает волосы, раскрыл рот, зубы свои в зеркало рассматривает, стучит по зубам ногтями)*. «Чижик-пыжик, где ты был? На Фонтанке водку пил». Ну? Лёня? Севильский цирюльник ты наш, ну?

МАРИЯ. Это что за разговорчики? Почему вы опоздали на работу, Антон Сергеевич?

АНТОН. Мария Сергеевна, простите. Больше не буду. В последний раз. *(Смеётся)*. Ну, Лёнчик? Говори быстрее, не задерживай добрых и честных людей? Где ты был? *(Поёт)*. «Фигаро тут, Фигаро там! Фигаро тут, Фигаро там!»

КСЕНИЯ. Шляется где-то, а мы тут пластайся. Антоша, знаешь, сколько народу с утра было? Лёня, что случилось, ты сам не свой, ну?

АНТОН. Вижу я, как вы тут пластаетесь. Рота выстроилась на улице, ждёт. Боже, целую роту солдат побрить надо! А ещё пенсам хохолки поправить надо, а вы? Скубётесь всё? *(Хохочет)*.

Взбивает себе волосы, крутится в кресле, смотрит на себя в зеркало.

Чудесно выглядите, Антон Сергеевич. После такой бурной ночи, вы – свежак. И это без уколов красоты, как у некоторых.

МАРИЯ. Антоша, не дерзи и не хами. Я начальница, я директор, я имею право требовать от подчинённых ...

АНТОН. Правда? Правда. Какой я дерзкий стал. Наверное, имею повод.

МАРИЯ. Что?

АНТОН. Ничего. А Леонид Петрович не начальник уже?

МАРИЯ. Вы что сегодня, сговорились?! Я – учредитель! Лёня, проходи, садись, ты как-то взволнован, сам не свой, не в своей тарелке ...

АНТОН. Взволнуешься тут. *(Хохочет)*.

МАРИЯ. Слушай, ты что это весь изнамекался?

АНТОН. Ты это принимаешь за намёки?

МАРИЯ. Давно я хотела спросить тебя, Антон: как ты можешь жить с таким именем, которое только с одним словом и может рифмоваться.

АНТОН. Да что ты, правда? *(Хохочет)*. Ну, попробуй, срифмуй. Сразу бланш получишь под глаз. Мне ведь всё теперь по фиг.

МАРИЯ. Это что такое?

АНТОН. Да что слышала.

Антон подошел к Леониду, обнял его за плечи, смотрит на Марию и Ксению, улыбается.

Ну, как мы смотримся?

Молчание.

КСЕНИЯ. Лёня, что это на тебе за тряпки такие, мягко выражаясь, не мужские? Это что за маскарад? Ты в жизни такое не носил!

АНТОН. А теперь будет. Жизнь круто повернулась. Что?

МАРИЯ. Что?

АНТОН. Лёня, ну ты будешь говорить или нет? Ну что ты как фуфел? Успокойся. Наберись духа, воздуха, смелости, дерзости, нескромности, вольности, игривости ...

МАРИЯ. Что это такое?

АНТОН. ... фривольности, дерзновенности, бодрости, жизнерадостности и скажи правду девушкам. Ну?

ЛЕОНИД. Перестань.

АНТОН. Как перестань, Лёня? Мы же обо всем договорились? А ты снова играешь документальный фильм «Опять двойка».

Антон ходит по комнате, припевает:

«Фигаро здесь, Фигаро там! Фигаро здесь, Фигаро там!».

КСЕНИЯ. Лёня, да проходи, что ты там стоишь? Да что случилось-то?

МАРИЯ. Главное – живой. У меня сердце упало.

АНТОН (*смеётся*). Ну, подними его скорее. А то растопчут.

ЛЕОНИД. Ксюша, Маша!

АНТОН. Ну, разродился наконец-то!

ЛЕОНИД. Маша, Ксюша!

АНТОН. Да говори уже, не бойся, что ты замохал? «Мы вольные птицы, пора, брат, пора!» Не бойсь. За рулем Шумахер.

ЛЕОНИД. Маша, Ксюша! Ксюша, Маша! (*Пауза*). Дело в том, что я ухожу от вас.

АНТОН. Поняли? (*Хохочет*).

Молчание.

МАРИЯ. Спокойно, Лёня. Я – директор парикмахерской, я тебя не увольняла и не уволю, потому что я знаю, что ты заблудился. Ты вернёшься из сумерек и ты знаешь - куда. В наше с тобой гнёздышко. А этих всех негодяев и негодяек я выгоню. Мы с тобой выгоним. Мы же с тобой вместе руководим? Вместе. Имеется в виду – мы с тобой одной крови, Маугли?

АНТОН. Ошибаешься. Разной. У тебя красная, а у него голубая.

КСЕНИЯ. Чего?

АНТОН. Того.

МАРИЯ. Ты вернёшься. Ведь у нас будет ребенок.

КСЕНИЯ. Нет, у нас будет ребенок.

АНТОН. Нет, девушки. У нас будет ребёнок.

МАРИЯ. Да не лезь, тебе сказано!

АНТОН. Помолчи сама, трындычиха. Говори, Лёнчик, с кем у тебя будет ребёнок.

ЛЕОНИД. Да, Маша и Ксения, я ухожу от вас. Ухожу.

Дверь открылась, вошёл солдат, спросил:

СОЛДАТ. Вы работаете?

Мария, Ксения, Леонид и Антон хором закричали:

ВСЕ. Закрыто! Закрыто! Закрыто!

Солдат выскочил за двери.

ЛЕОНИД. Так вот. Я ухожу ...

АНТОН. Ну, ну, ну, давай?

ЛЕОНИД. Я ухожу от вас. К Антону.

АНТОН. Неправильно, Лёнчик. Незачёт. Скажи: «К Тоше». Так веселее.

ЛЕОНИД. Да, к Тоше.

АНТОН. Теперь – зачёт.

МАРИЯ. К какому это Тоше?

ЛЕОНИД. Вот к этому. Да. У нас с ним всё произошло. Мы решили жить вместе.

АНТОН. Говори, говори, не бойся. Они нам ничего не сделают. Пусть вякнут, пикнут. Мы на них в Страсбургский суд напишем заявку за ущемление нетрадиционной ориентации. Поняли?

КСЕНИЯ. Чего?

АНТОН. Да, только скажите слово. Накатаю в Страсбург телегу за то, что вы дискриминируете людей по сексуальной ориентации.

МАРИЯ. Какой ориентации?

АНТОН. Такой ориентации. Ай, да ну вас, отвалите. Лёня всё сказал.

Все молчат. Леонид и Антон стоят против Маши и Ксении.

Я не могу больше. Лёня, посмотри на них. Посмотрите на себя вы. Ты, красавица, Муму, теорема Хана-Банаха. Маша, я тебе говорю, ну?

МАРИЯ. Что ты мне говоришь?

АНТОН. Живого места у тебя на роже нет.

МАРИЯ. Правда? А ты простой, как три копейки одной бумажкой.

АНТОН. Правда?

Молчание.

МАРИЯ. Как говорится: наконец-то в нашем гей-клубе можно и рыбку съесть.

АНТОН. Ты понамекай ещё. Я ведь серьезно говорю, напишу, куда надо, и тогда не отмоешься. Вообще твою халабуду эту прикроют.

КСЕНИЯ. Что он такое говорит, Лёня?

АНТОН. Лёня, почему я один огрызаюсь, а ты молчишь? Давай, с низкого старта скажи им, Лёня, всю правду.

МАРИЯ. Помолчи, проглоти лопату. Или я, и правда, тебе сейчас ускорение придам.

АНТОН. Будешь говорить?

ЛЕОНИД. Я не готов.

АНТОН. Ну, я готов, и я скажу. Так вот. Слушайте сюда. Мы с Ленёй с сегодняшнего дня будем проживать вместе. Он меня любит, а я его. Он меня недавно, я его давно. Ясно?

МАРИЯ. Что недавно, что давно?

АНТОН. Да то! Что ты вытаращилась? Я его люблю с первой нашей встречи. Год назад как я пришел в твою хайратню, так сразу полюбил его. Но только вчера он ответил мне взаимностью. Остался у меня. Мы провели чудесную ночь. Играла музыка. Челентано пел: «Бай-бай-бай-бай». Утром я приготовил ему завтрак – кофе и яичницу в постель. Ему никто никогда такого не делал. Я передел его в свои лучшие тряпки. У нас с ним один размер, оказалось. Он всего лишь чуточку поплотнее. Но мы сгоним жирок. Да, Лёничик? Будем с ним ходить в спортзалы. А то вы его закармливали пирожками. Сала ему жарите с луком на ночь. Нашли путь к сердцу мужчины. А мы пойдём в спортзалы. У нас очень много общих интересов.

КСЕНИЯ. Что?

МАРИЯ. Какие спортзалы? Лёня, что происходит?

АНТОН. Так, девочки, слушайте сюда. Мне надоело смотреть, как вы над ним измываетесь. Обе две. Надоело, бабы вы противные. Всё. Я его у вас забираю. Экспроприрую.

МАРИЯ. Как это?

АНТОН. Да так это! Надо было думать раньше, когда вы над ним измывались, что в любой момент может подойти вот такой красивый, как я, и увести его у вас. Не думали? Теперь сами виноваты.

КСЕНИЯ. Лёня, что он говорит?

МАРИЯ. Лёня, говорит он что?

КСЕНИЯ. Какой-то бред.

МАРИЯ. Бред какой-то.

Молчание.

ЛЕОНИД. Это правда.

Молчание.

МАРИЯ *(смеётся)*. А-а, я поняла. Дошло. Да они нас разыгрывают. Да они шутят. Я знала всегда, что Антоша немножко не того ...

АНТОН. Чего?

МАРИЯ. ... но какое мне было дело, как работодателю, до его личной жизни, лишь бы трудился, как надо. Лёня, что это?!

ЛЕОНИД. Да всё. Отстань.

Прошёл, сел в кресло, качается, смотрит на себя в зеркало, ерошит волосы.

КСЕНИЯ. Ничего не понимаю. Ты же мужчина, я проверяла.

МАРИЯ. Я тоже. Я первая.

АНТОН. И я тоже. И я первый. И что?

МАРИЯ. Заткнись!

АНТОН. Ага. Вот тебе – дуля. Сама помолчи.

Все стоят вокруг кресла Леонида, смотрят на него.

Мария что-то решила, достала телефон, нажимает на нем кнопки.

МАРИЯ. Прекрасно. Я звоню в военкомат. Пусть приедет наряд милиции и заберут его.

АНТОН. Успокойся.

МАРИЯ. Он скрывается много лет от армии. Я скрываю его. Я нарушаю закон. Вот и хватит. Я законопослушная. Я плачу налоги. Звоню в военкомат.

АНТОН. Сядь.

МАРИЯ. Вот, в казарму напротив пусть его и поселят. А то всё – у него зрение плохое, он «негодник, негодник», а выясняется – «годник»! Всё. В армию!

АНТОН. Таких в армию не берут.

МАРИЯ. Каких?

АНТОН. Таких, как мы. Я буду свидетельствовать, что он – такой. Что он – не может ездить на танке.

МАРИЯ. Пусть бегают тогда с ружьем, раз в танке не может!

АНТОН. Я тебе сказал – он не может служить!

КСЕНИЯ. Маша, он не шутит.

АНТОН. Конечно, не шучу.

КСЕНИЯ. Маша, тут надо иначе. Стой. Антоша, Тошечка? Ну, что такое произошло? Успокойся. Отдай его нам.

АНТОН. Еще чего. Чтоб вы им закусили? Лёня, давай, не стесняйся девочек. Иди, сядь ко мне на коленочки, ну, милый?

КСЕНИЯ. Боже!

МАРИЯ. Только попробуй это сделать в моем доме. Я тебя феном убью. Я вас обоих убью сейчас.

АНТОН. Не бойся, Лёня, сядь, назло им, сядь, я тебя покачаю на коленочках. Ну? Что молчишь? Кучился, мучился, а упросил, так бросил, так, что ли?

МАРИЯ. Слушай, ты, шпынёк, дядя Паша из Пердыщенска, человек-боярка, виртуоз-ложкарь ...

АНТОН. Придержи веник или худо будет.

КСЕНИЯ. Ужас!

АНТОН. Что?

МАРИЯ. Пошляк, гнусь, мерзость, гадость ты какая!

АНТОН. Ой, правда? А вы красавицы, умницы, спортсменки, комсомолки? А как же вот я, гадость такая, такого вот мужика у вас увёл, а? Вопрос? Странно. Лёня, сядь на коленочки, сказал, не бойся, ничего они не сделают. Всё будет окейно, не бойсь. Ты помнишь, как сегодня Челентано пел «Бай-бай-бай!»?

КСЕНИЯ. Кошмар, кошмар, кошмар!

МАРИЯ. Ксюха, дай мне самые большие ножницы, какие есть, я их обоих прирежу сейчас! Держись, Антоша-насос, я тебе сейчас ...

АНТОН. Правда? Давай. Попробуй. Ножниц много, я другие возьму. Битва на ножах, ну?

Мария хватает ножницы.

Тут в парикмахерскую входит солдат.

СОЛДАТ. Вы работаете?

МАРИЯ. Работаем. Иди сюда!

СОЛДАТ. Нет, спасибо ...

Солдат выскочил за двери.

МАРИЯ. Ты, конь педальный, собака два нога?! Я сейчас урёхаю всех! Всех!

Кинула ножницы, села в кресло, плачет.

Все сидят в креслах, молчат, смотрят на себя в зеркало.

ЛЕОНИД. Антон, я больше не могу ...

АНТОН. Не можешь? А я – могу. Осень наступила, отцвела капуста! У меня пропали половые чувства! Весна наступила, зацвела капуста! У меня проснулись половые чувства!

ЛЕОНИД. Всё, спокойно все. Он пошутил. Я пошутил. Мы так очень неостроумно пошутили. Это была плохая идея, Антон.

АНТОН. Ну и дурак. Надо было довести до логического конца. Помучать их ещё. Чего ты боишься? Пуганая ворона под каждым кустом садится.

ЛЕОНИД. За что их мучать?

АНТОН. Да за то! Сколько они меня мучают!

МАРИЯ. Лёня, в чём дело?

КСЕНИЯ. Дело в чём, Лёня?

АНТОН. Да в том! Дупло залепи своё! *(Кричит).* Всё? Все довольны? Прекрасно. Я доволен. Тише, Антоша, успокойся. Будь спокоен, как шифоньер.

Сбрасывает со своего столика все пузырьки, баночки и флакончики в сумку.

Всю ботву эту с собой забираю, на свои деньги купил, не смотри так, Мария Сергеевна. То есть, своё я забираю, а ваше – вам оставляю. Вашего красавчика, вашу ненаглядку, Жуй-Дэ Мэна, зяблика морозного.

Молчание.

Леонид сидит в кресле. Голову сжимает руками, плачет.

МАРИЯ. Чего? Что это всё значит?

АНТОН. Знаешь, Маша, есть такая таблетка из сахара или просто стакан воды, которые дают, чтобы люди поверили, что это какое-то лекарство, которое вылечит. Называется «плацебо». Понимаешь? И многие вылечиваются.

МАРИЯ. Ну и что?

АНТОН. А то. Я заболел, пил обычные таблетки от кашля, а говорил: это меня спасает, это эликсир жизни. И выжил.

КСЕНИЯ. Что это значит?

АНТОН. Вам, дурам, иносказательный язык непонятен. Плацебо, вот что значит это всё! Укол красоты! Или – укол красотой, вот как лучше! *(Пауза)*. Девочки, я пошутил. Мы пошутили. Мне просто осторчтело приходиться вот уже три месяца на работу, как в ад, в ад крошечный. И достало меня слушать, как две бабы в одной комнатке не могут разделить одного мужика. Доделитесь, что придёт такой красивый, как я, и заберёт. И поменяет ему ориентацию. А я больше не могу. Я тут задыхаюсь. Лёнчик, спасибо. Не ты, я бы так и сидел тут. А теперь – досвидос. Я уезжаю. Уезжаю, девочки, в Москву.

КСЕНИЯ. Как – пошутил? Как досвидос? В какую Москву?

АНТОН. В Москву за карьерой. Потому что подумал: «Хочу ли я, могу ли я? Говно ли я? Магнолия!». Вам ведь его не надо. Зачем он вам? Он вам так – тряпочка какая-то, безделушечка в сумочке, с собой таскать, игрушка. Он для чего вам? Ни для чего. Вам вообще мужик не нужен. Потому что вы сами не знаете, чего вам надо. Надоела мне эта битломания, будьте здоровы, коровы!

МАРИЯ. Лёня, это что за цирк с огнями?

АНТОН. Всё, я - в Москву. Знайте, что меня пригласили работать стилистом на телевидение. Всё. Не век же мне тут башки брить солдатам. Прощайте. Разберитесь. Лёня, шмотки мои я тебе на память оставляю. Прощайте.

Ушёл в двери на улицу, вернулся, орёт:

Ну как тут работать? Одни солдафоны! И цены у тебя в твоей хайратне – обдирон, фефёла! С вами тут с ума двинешь! До бесячки довели меня обе!

КСЕНИЯ. Так не было у вас ничего, Лёня? Это вот такие вот шутки, что ли?

АНТОН. Да блин, что ты стоишь, Лёня, блндамед, сопли жуёшь, слёзы мироточишь? Тебе с кем – с той или с той хочется? Дак скажи уже из конца в конец, скажи! Реши что-то, ну сил нету смотреть на этих полубаб-полумужиков, мутантов каких-то! Ну, всё ему скажи, да укажи, да в рот положи! Ну пошли ты их подальше, или живи с обеими, раз обеих любишь, ну?! Вот почему все ориентацию меняют. Из-за таких, как вы, девочки. Ладно, разберитесь. Фильдеперсово мне всё. Надоело. Прощайте. Лёня, будешь птичкой - прилетай, будешь кошкой - прибегай, будешь рыбкой - приплывай, будешь раком – позвони.

Ушёл, дверью хлопнул.

Молчание.

МАРИЯ. Пошляк. Идиот какой. И не смешно. Глупо как.

КСЕНИЯ. Фигею я. Я фигею. Бред какой-то.

Мария и Ксения встали возле кресла Леонида, смотрят на него.

МАРИЯ. Лёня, тихо, не плачь. Всё образуется.

КСЕНИЯ. Дак где ты ночевал сегодня?

МАРИЯ. Не лезь.

КСЕНИЯ. Сама не лезь.

МАРИЯ. Я тебе пообещала волосы вырвать? Вырву.

КСЕНИЯ. Я тебе сама вырву.

МАРИЯ. Попробуй.

КСЕНИЯ. Попробую.

ЛЕОНИД. Ну и что?

МАРИЯ. Что?

ЛЕОНИД. Опять всё с начала. Да?

МАРИЯ. Скажи только, где ты ночевал?

ЛЕОНИД. У Антона.

КСЕНИЯ. Значит, всё-таки, было?

МАРИЯ. Отвечай – было?!

ЛЕОНИД. Не ори.

КСЕНИЯ. Было.

ЛЕОНИД. Да, мы сидели на балконе, дуры вы такие, сидели всю ночь, пили вино, свечи стояли, было так красиво, он меня слушал! Меня сто лет уже никто не слушал! Я мог часами говорить!

МАРИЯ. Ясно. Говорил часами. И Челентано пел «Бай-бай-бай-бай!»?

ЛЕОНИД. Да! И Челентано пел «Бай-бай-бай-бай!». И что?

КСЕНИЯ. Ну, конечно, мы – дуры, а ты и он – умные. Он тебя залил уши, ты и расквасился. Обрадовался, да?

ЛЕОНИД. А ты хоть раз меня слушала?

МАРИЯ. Я куплю диск с Челентано. Он будет петь тебе «Бай-бай-бай-бай!». И ты будешь говорить. Ты этого хочешь?

ЛЕОНИД. Нет, не этого. Я хочу, чтоб меня слушали. И поняли бы, наконец. Я хочу любви к себе.

МАРИЯ. Есть такая песня: «Уйду я на помойку, наемся червяков! Они такие разные, зеленые ужасные! Потому что - никто меня не любит, никто не приголубит!». И опять с самого начала. Так?

ЛЕОНИД. Да! Червяков хочу, червяков отравленных!

КСЕНИЯ. А вы точно с балкона не уходили в спальню на кровать? Может, ты заспал? Не помнишь? Было, нет?

МАРИЯ. Отвали!

КСЕНИЯ. А тебе что – всё равно?

МАРИЯ. Человек просит его послушать. Ты понимаешь? А ты – не слышишь, чёрствая,

злая, злобная!

КСЕНИЯ. Ты у нас добрая. Отвечай, уходили в спальню?

ЛЕОНИД. Отстань от меня!

КСЕНИЯ. А что тут такого? Нормальный вопрос.

МАРИЯ. Ну, ответь, раз уж она так просит.

ЛЕОНИД. И ты отстань. Я просто вижу, что это не со мной происходит. А это какое-то кино про меня снимают. Вот я сижу в машине и еду, команда «Мотор!», я еду по дороге кривой, она заворачивает, еду навстречу закату, а кран с камерой поднимается вверх, вверх и снимает меня, уезжающего вдаль. Вдаль, вдаль. И вдруг кран ломается, падает и камера падает. Разбивается. Все живы, но кино кончилось.

КСЕНИЯ. Что он мелет?

МАРИЯ. Это он какой-то сон видел.

КСЕНИЯ. У Антона в постели?

МАРИЯ. Помолчи. Лёня, я тоже могу свечи зажечь на балконе.

КСЕНИЯ. У меня их дома больше.

МАРИЯ. Уймись, блоха.

ЛЕОНИД. Слушайте, вы что обе пристали ко мне?! Ален Делона нашли, да? Я вам зачем нужен? Я толстый, мерзкий, лысый, а вы ко мне липнете! Ну, отпустите меня, а? Я безвольный, бесхарактерный, я не могу поступки делать, я ничего не могу делать, только стричь умею, а? Ну зачем я вам нужен? Можно, я буду жить один?

МАРИЯ. Нет, нельзя. Ты не толстый и не мерзкий. Мы сходим и еще парочку укольчиков красоты тебе поставим, будешь вообще красавец. И тогда не только машины, но и трактора, танки, самолеты будут останавливаться, когда ты будешь по улице идти! А то вон от бессонных ночей – мешки под глазами.

ЛЕОНИД. Хватит! Я не баба! Себе ставь! Я не хочу, чтобы танки останавливались из-за меня!

КСЕНИЯ. Молодец, правильно!

МАРИЯ. А я хочу.

ЛЕОНИД. Вон, напротив целая казарма мужиков, выбирайте себе любого, что вам от меня надо, ну?!

КСЕНИЯ. Мне не надо казарму. Только тебя.

МАРИЯ. Мне тоже. Мне только ты нужен.

ЛЕОНИД. Я жить не хочу! Нет, хочу, но один! Отпустите меня, а?

МАРИЯ. Хочешь ты жить.

КСЕНИЯ. Мы тебя заставим жизнь полюбить.

МАРИЯ. Да, Ксения, ты права. Мы заставим. Всё будет хорошо.

Молчание.

ЛЕОНИД. Если я что-то не понимаю, то я говорю: «Это всё делают инопланетяне». Я смотрю на свою жизнь и думаю: «Это всё сделали инопланетяне».

МАРИЯ. Глупости. Нормальная у тебя жизнь.

ЛЕОНИД. Потому что другого объяснения этому нет. Я знаю, это всё сделали

инопланетяне ... И эту парикмахерскую, и эти кресла, и этих двух женщин сделали инопланетяне ... Да, да, они!

МАРИЯ. Нет, милый. Это ты сделал двух этих женщин.

ЛЕОНИД. Я ничего не делал! Я фуфел! Меня всё время ведут! Я ведомый, понимаешь? Я вести не могу по природе, ясно тебе?

МАРИЯ. Можешь. Как говорят в армии: не можешь – заставим, не хочешь – научим.

ЛЕОНИД. Отпустите меня!

КСЕНИЯ. Отпустите меня в Гималаи?

ЛЕОНИД. Хоть куда! И туда готов сбежать от вас!

КСЕНИЯ. От судьбы не уйдёшь.

Входит молодой человек – в красных штанах и в зеленой рубашке.

ПАРЕНЬ. Здравствуйте.

МАРИЯ. Что вам?

КСЕНИЯ. Инопланетянин ...

Все молчат. Смотрят на парня.

Тот очки тёмные снял, улыбается.

ПАРЕНЬ. Ещё раз добрый день. А мужской мастер у вас свободен?

МАРИЯ. А вы что хотели?

ПАРЕНЬ. В смысле?

МАРИЯ. Что вам тут надо?

ПАРЕНЬ (*смеётся*). А что может быть надо в парикмахерской? Постричься, конечно.

КСЕНИЯ. Постричься?

ПАРЕНЬ. Ну да.

Молчание.

Кто у вас мужской мастер – мужчина или женщина?

МАРИЯ. А вам какая разница?

ЛЕОНИД (*вздыхнул, встал, указывает на кресло*). Я мужской мастер. Проходите. Садитесь в это кресло.

МАРИЯ (*кричит*). Нет! Нет!

КСЕНИЯ. Нет! Нет!

Закрыли спинами Леонида.

МАРИЯ. Лёня, ты занят! Иди в подсобку. Съешь там из холодильника бутерброд, я принесла тебе специально, или умойся, у тебя слезы не высохли. Или кофе выпей. Иди! Ксюха, быстро помоги ему!

Молчание.

ПАРЕНЬ. Дак что?

МАРИЯ. Я ещё раз спрашиваю – что вам тут надо? Лёня, уйди!

Молчание.

ПАРЕНЬ. Дак он свободен и хочет меня постричь.

МАРИЯ. Нет! Не хочет! Мы вас постригать будем вместе, вдвоём вот с этой девушкой!

КСЕНИЯ. Да, у нас сегодня такая акция, да, Мария Сергеевна? Лёня, уйди!

Молчание.

ПАРЕНЬ. А я хочу, чтобы он меня постригал.

МАРИЯ. Слушайте, молодой человек, давайте - садитесь и не выступайте! Вас будут обслуживать два мастера высшей квалификации, видите, наши дипломы на стенке? Лёня, уйди!

ЛЕОНИД. Да успокойтесь вы ...

МАРИЯ. Тихо! Молодой человек, мы победители конкурсов красоты, мы передовики производства, мы даже победители социалистического соревнования, понимаете?

КСЕНИЯ. И что, вы нам откажете?

ПАРЕНЬ. В смысле?

МАРИЯ. Не отказывайте нам, мы нервные!

ПАРЕНЬ. Чего?

КСЕНИЯ. Садитесь!

ПАРЕНЬ. Ну, нет, спасибо. Пойду. Какие-то вы больные, девочки, я вас боюсь, без ушей еще оставите, ножницами отстрижете. Отстрижете, то есть. Пока.

Выскочил на улицу.

Молчание.

Леонид сел в кресло.

ЛЕОНИД. Видите? Даже посторонние люди говорят, что вы – больные!

КСЕНИЯ. Это был инопланетянин, а не посторонние люди!

ЛЕОНИД. Господи! Господи!

МАРИЯ. Ксюха, повесь табличку «Закрыто»!

Ксения побежала к двери.

КСЕНИЯ. Там рота солдат стоит, ждёт.

МАРИЯ. Плевать на них. На всё плевать. На весь белый свет. Нам надо Лёню. Лёня, любимый мой ...

КСЕНИЯ. Лёня, любимый мой ...

МАРИЯ. Лёня, любимый мой ...

КСЕНИЯ. Лёня, любимый мой ...

Схватили Леонида за руки – Мария за левую, а Ксения за правую, сидят возле кресла на полу, сидят, рыдают.

В окна парикмахерской смотрят солдаты.

Много солдат.

Целая рота.

Темнота

Занавес

Конец

июль 2012 года

село Логиново

